

Интеллигенция и антилиберальное мифотворчество

Беседа известного социолога и культуролога, кандидата философских наук, главного редактора журнала "Искусство кино" **Даниила Борисовича ДОНДУРЕЯ** и заместителя главного редактора журнала "Общественные науки и современность" **Нatalы Михайловны ПЛИСКЕВИЧ**.

Н. Плискевич: Даниил Борисович, мне кажется, нельзя не признать, что сегодня отношение к либерализму в нашей стране довольно двойственно. Причем эта двойственность, формулируемая и артикулируемая разными группами интеллектуалов, политиков, разными "башнями Кремля", короче – "элитариями" (mot В.П. Григорьева), транслируется в общество не только через СМИ, но и через разнообразные произведения массовой литературы и искусства. С одной стороны, все реформы последнего двадцатилетия, все трудности и лишения, через которые прошла страна, часто представляют как результат "безответственного либерального реформаторства", все беды и несчастья людей объявляются следствием именно их деятельности. Это основная политическая линия власти, противопоставившей "благодатные 2000-е" "ужасным 1990-м". При этом проблемы, возникшие уже в 2000-х гг., объясняются кознями все еще сидящих кое-где в правительстве "недобитых либералов".

Но с другой стороны, в ходе предвыборной кампании Д. Медведева в официальной риторике появились новые черты. Медведев стал позиционироваться как самый либеральный член команды В. Путина, и якобы именно это его достоинство стало определяющим в выборе именно его "преемником". Сам Медведев неоднократно произносил фразы типа "Свобода – лучше, чем несвобода" и т.п., подтверждавшие такого рода суждения. Так что же происходит у нас с самими определениями "либерал", "либерализм" как в отечественных СМИ, так и в массовом искусстве, чье воздействие на души людей, на массовое сознание гораздо глубже, чем прямая пропаганда?

Д. Дондурей: Мне кажется, что отмеченная вами двойственность отнюдь не нова. По многим причинам она всегда была присуща ходу развития российской цивилизации. Нам во все времена было свойственно такое качество, как "двойное сознание". В нашей общественной мысли обычно отсутствует консенсус по отношению к важнейшим мировоззренческим сюжетам. Вспомним отечественную историю: народничество возникает в чуть ли не лучшие годы правления Александра II. Символично, что он был убит прямо перед подписанием конституционного акта, открывавшего совершенно новые горизонты для страны. И П. Столыпина убивают после фантастического рывка российских экономики и государственности в начале XX в.

Двойственность присуща и тому потрясающему интеллектуальному и духовному развитию страны, которое началось с "оттепелью" и отчасти сохранилось и в годы "застоя". От этой эпохи остались, с одной стороны, творения "выдающегося писателя", лауреата Ленинской премии по литературе Л. Брежнева (я имею в виду его "Новую землю", "Возрождение" и "Целину"), литературный, кинематографический и т.п. официоз, а с другой – колоссальная новомирская культура, "культура кухонь", наследие Б. Окуджавы, А. Солженицына, "лейтенантская проза" о войне и т.д.

Н.П.: Та литература, которая вышла "из столов" в годы перестройки, и тот кинематограф, который тогда же был снят "с полок".

Д.Д.: В общем, повторюсь: нам свойственна такая двойственность. Благодаря официальной культуре существует мощнейшая, плодоносящая неофициальная культура – вспомним и О. Ефремова, и Ю. Любимова, и А. Эфроса, и М. Хуциева и многих других. Причем тут была невероятно плодотворная двойственность оппозиции массовой и элитарной культуры, благоприятная для обеих сторон, рождавшая выдающиеся творения как ранних Э. Рязанова и Л. Гайдая, так и А. Тарковского и О. Иоселиани.

Думаю, двойственность сознания для России плодотворна, она дает семиотическую сложность как единственный серьезный инструмент развития. Такова особенность нашего сознания. И во многом благодаря ей русскую литературу от Л. Толстого до А. Чехова изучают в колледжах всего мира. "Три сестры" и "Война и мир", а не нефть и газ останутся навечно как вклад России в мировую культуру.

Н.П.: Однако, как мне кажется, современная ситуация с отношением широких слоев населения к либерализму обусловлена не только глубинными социокультурными причинами, но и конкретной ситуацией двух последних десятилетий.

Д.Д.: Действительно, я слишком "методологически" начал отвечать на ваш вопрос. Причины появления тех ярлыков, которые закрепились за понятием "либерализм" в современном массовом сознании, находятся гораздо ближе и связаны с общей атмосферой, в которой начали проводиться реформы 1990-х гг. Тут я бы хотел обратить внимание даже не на ошибку, а на какое-то внутреннее непонимание (что еще хуже, чем ошибка), свойственное так называемым российским реформаторам. Они, как маленькие дети, были убеждены, что люди сами увидят и оценят результаты тех революционных преобразований, которые произошли между 1991 и 1993 гг. Граждане сами оценят новые горизонты, открывающиеся со свободой обмена информацией и идеями, конвертируемостью валюты и отсутствием товарного дефицита, свободой предпринимательской деятельности и выезда за границу, системой разделения властей и частной собственностью. Однако реформаторы не учли того, что в ситуации, когда есть противоречие между реальностью и способом ее восприятия и оценки, человек всегда склонен верить способу восприятия. Если имея ныне "Опель" или "Ауди", а не "Запорожец", он, как и раньше, будет психологически чувствовать себя нищим, как никогда, то ничто не сможет поколебать это его главное восприятие реальности.

Так же и с реформами. Их интерпретации в сознании миллионов людей были отданы достаточно циничным людям, которые делали бизнес, рисуя свою картину реформ. А сами реформаторы не рассказывали ни о своих целях, ни о реальных возможностях страны, ни об объективных ограничениях и трудностях, ни о банкротстве старой системы, ни о тупиках, в которых мы могли оказаться, если бы не были предприняты те или иные болезненные шаги. Им казалось, что такая разъяснительная работа сродни старой советской пропаганде, что идеологию нужно просто "выключить". Но идеология – важнейшая вещь, существующая всегда. Она может быть яркой и очевидной, как во времена А. Жданова или М. Суслова, может быть почти незаметной, как в 1990-е гг., или умеренно выраженной, как в эпоху В. Суркова, но она всегда присутствует в нашей жизни.

И в 1990-е гг. проводилась огромная идеологическая работа, осуществившаяся не так тотально, как в советское время, но тоже достаточно эффективно, потому что главным ее инструментом стала медийная революция. Сегодня в каждом областном городе есть 10–12 телеканалов, а в Москве – 20–25, и всюду идет мощнейшая работа не только новостных и общественно-политических, но и всех иных контент служб, доставляющих в каждую квартиру новости, реалити-шоу, сериалы, ток-шоу и т.д., и т.п.

Н.П.: Как эта мощная машина повлияла на отношение общества к либеральной идее?

Д.Д.: Те идеи, которые наше телевидение (как самое массовое из ныне существующих видов искусств) в течение почти двух десятилетий внушает своей аудитории, на-

ходятся в прямом противоречии с основным вектором идущих у нас преобразований. Можете ли вы, например, ответить на такой вопрос: как проводить буржуазную революцию при систематическом воспитании у нации ненависти к буржуазии? Как осуществлять переход к рынку, когда рынок изображается как исчадь ада, связывается с насаждением чуждой нам морали, отвратительным падением общественных нравов. Это столь же парадоксально, как, например, если бы И. Сталин, проводя социалистическую модернизацию, одновременно занимался бы пропагандой монархизма. У нас же такая работа идет постоянно, и она способствует сохранению советской власти в сознании миллионов. Они сегодня убеждены, что раньше были замечательные системы образования и здравоохранения, системы социальной защиты и заботы о человеке, моральные и патриотические идеалы, и все это уничтожено именно "либералами". Забывается, что советская система потерпела фиаско, не смогла ни сохранить, ни защитить, ни накормить страну. Но в идеологическом плане наша новая социально-экономическая система во многом пользуется рудиментами старой, сохранением мифологии предыдущего строя, по отношению к которому она является революцией.

Есть и еще один важный аспект темы. Я убежден, что наша творческая интеллигенция обладает колоссальной властью, связанной с ее "цеховыми" – содержательными – возможностями по интерпретации реальности. Писатели и режиссеры, продюсеры, главные редакторы, топ-менеджеры имеют огромные возможности по продвижению в массовую культуру и, соответственно, в общество своих представлений о происходящем. А эти представления в эпоху перемен в большинстве своем были крайне негативны. Лишь малая часть интеллигенции (скорее – продвинутая научно-техническая, да и то не вся) приняла экономические реформы. Большинство гуманитарной интеллигенции уже через несколько лет преобразований воспринимало реальную жизнь исключительно как античеловечную, негуманную. В СМИ, например, был сформирован образ дьявола-Чубайса как некоего мифологического отрицательного героя, символизирующего весь негатив и все трудности, которые пришли с новым временем. И эта интеллигенция стала частью той мощной идеологической машины, которая была сформирована в том числе и благодаря олигархам (прежде всего, В. Гусинскому и Б. Березовскому, потом за это и поплатившимися), и направлена на дискредитацию всей ценностной системы нового строя. Такая разрушительная идеологическая работа привела к тому, что к 2000-м гг. у страны, помимо многих самых разных кризисов, сложился мощнейший кризис сознания. Причем тут я исхожу из того, что если все правильно в сознании, то завтра правильно будет и в жизни...

Н.П.: Как здесь не вспомнить знаменитую булгаковскую "разруху в головах"...

Д.Д.: Да, у нас в головах была тотальная "разруха". И на эту почву в 2000 г. пришла новая власть, которая тут же не без успеха попыталась провести свои мощные идеологические действия. Прежде всего она объявила себя наследницей всей истории страны – и досоветской, и советской, и ельцинской. Теперь у нас есть и двуглавый орел, и трехцветный флаг, и подредактированный С. Михалковым прежний гимн. Разумеется, в целях консолидации ей нужны были враги. В качестве таковых сначала были избраны "олигархи", затем – Запад. Однако в жизни ничего не изменилось, те же олигархи (за исключением М. Ходорковского) по-прежнему живут в Лондоне, а сюда прилетают руководить своим бизнесом на личных самолетах. Разрыв в доходах самых богатых и самых бедных по сравнению с концом 1990-х гг. почти удвоился. Сложилась ситуация, при которой экономическая система – сама по себе, а идеологическая – сама по себе. В то же время эксплуатируется комплекс идей о "лихих девяностых", а Б. Ельцин стал самым отрицательным персонажем, по ряду опросов уступающим только А. Гитлеру. То есть разыгрывается мощная идеологическая карта по дискредитации 1990-х гг. И никто даже не задается вопросом: неужели у нас не то же государство, что возникло в декабре 1991 г., неужели мы осуществили контрреволюцию и изменили систему собственности и политическую систему? У нас другая Конституция? Нет, все функционирует по тем же принципам, по крайней мере юридическим.

Н.П.: Но ведь была создана "вертикаль власти".

Д.Д.: Это исключительно система идеологем. Но она была очень грамотно проведена в жизнь. На телевидение практически не допускаются те, кто могли бы сказать, что у нас были потрясающие 1990-е гг. Людям, например, постоянно внушают, что распад СССР – величайшая катастрофа. А можно было бы трактовать это же событие как величайший подвиг России, подарившей 14 республикам свободу, как величайшее в истории человечества освобождение народов. Разумеется, и в одном, и в другом случае – это только слова, но Россия – вообще страна слов. Но ведь от того, как мы смотрим на это событие – как на величайший гуманистический акт или как на катастрофу, – формируется и отношение к нашим соседям. Не потому ли они так испортились за последние восемь лет?

Н.П.: Кстати, можно вспомнить и пример "позитивной" замены одной идеологемы на другую, направленный на общее одобрение политики властей. Если раньше мы были "сырьевым придатком Запада", то теперь стали "энергетической сверхдержавой".

Д.Д.: Существует идеологическое табу на серьезное обсуждение многих насущных проблем, связанных с предпринимательством, приватизацией и т.п. По-прежнему господствует ряд идеологем, дискредитирующих либеральную мысль. И это парадоксально. В советские времена идеологи дискредитировали противостоящую нам систему. Здесь антилиберальная пропаганда соседствует с находящимися в правительстве министрами-либералами. По-прежнему в ходу рыночные идеи, движение капитала, частная собственность, конвертируемость валют и т.д., которые уживаются с мощной антирыночной пропагандой. Причем многое в такой пропаганде идет отнюдь не "сверху", а от трактовки реальности теми представителями интеллектуалов, которые продвигают свою "картину мира" прежде всего на телевидении. Однако такая двойственность очень опасна, и чем она завершится – не понятно. Хотя Д. Медведев и продемонстрировал нам некие обнадёживающие знаки, но пока это лишь знаки.

Н.П.: Таким образом, из ваших слов можно сделать вывод, что современную ситуацию с отношением к либерализму, прежде всего на уровне массового сознания, нельзя свести лишь к проявлению той семиотической сложности, двойственности, присущей отечественной культуре. Речь идет о фундаментальном противоречии проводимой модернизации, содержащей в основе своей именно либеральный компонент, и об идеологическом обеспечении консолидации общества, так называемой "стабильности", ориентированном на антилиберальную риторику. Причем и политики, и деятели литературы и искусства обычно оправдывают такую риторику тем, что именно она органична российскому национальному сознанию. Исключительно в антилиберальном ключе рассуждают, когда речь заходит, например, о национальной идее, о национальном самосознании.

Однако либерализм как течение и общественной, и художественной мысли имеет в России очень мощные корни, давнюю и славную историю. Можно вспомнить и М. Сперанского, и братьев А. и Н. Тургеневых из начала XIX в., и таких видных политиков-либералов начала XX в., как, скажем, Г. Львов, А. Гучков или П. Рябушинский. То же можно сказать и о литературе, начиная с Н. Новикова и А. Пушкина и кончая, например, В. Вейдле. Но о либерализме как о части общенационального духовного комплекса идей, о либеральных традициях русской общественной мысли не говорят. Напротив, не только у политических противников, но и в художественных произведениях либерал нередко выступает как некая карикатурная фигура. Это можно проследить не только по полемике 1990–2000-х гг., но и в классической русской литературе. И Л. Аннинский имеет основания утверждать, что чем крупнее и независимее художник, тем хуже он относится к либералам и либерализму. Чем все это объяснить?

Д.Д.: Думаю, все это связано с тем, что в России либерализм все-таки возник и развивался не так, как на Западе. У нас демократическое движение нередко было связано с протестом против буржуазных отношений, имело некие социал-демократические основания. С самого начала интеллигенция у нас противостояла появлению буржуазных отношений. Эта традиция, к сожалению, перешла и в новые времена. Поэтому наши

писатели, художники, кинематографисты, телевизионщики настроены и против рынка, и против либерализма, так как им кажется, что народ именно от них страдает.

Н.П.: Но на самом деле народ страдает как раз от отсутствия свободы, от недостаточно либеральной политики. И это общемировая тенденция. Сошлюсь на лауреата Нобелевской премии по экономике индийского экономиста А. Сена, который прямо говорит, что "во многих современных развивающихся странах среди ключевых задач развития значится освобождение труда от явного и скрытого крепостничества, перекрывающего доступ на открытый рынок труда", что "свобода участвовать в экономическом взаимодействии имеет базовое значение для жизни общества".

Д.Д.: И у нас, и на Западе интеллектуалы обычно не думают о том, как заработать деньги. Типичен такой цикл: сначала правые проводят свою политику "зажима" государственных расходов, в том числе социальных, дают импульс экономике и зарабатывают деньги, а потом на волне социального недовольства приходят левые и прекрасно тратят заработанное. Р. Рейган благодаря рейганомике дал стимул американской экономике, которым потом восемь лет пользовался У. Клинтон... У нас никто не думает, как страна богатеет, не думает и о том, почему, например, в Москве самый дорогой рынок недвижимости в Европе и о других подобных вещах, вытекающих как раз из гигантской монополизации нашего хозяйства. При этом существует традиция объявлять именно либералов виновными и в народной бедности, и в отсутствии качественных социальных программ, и в отсутствии профсоюзов, и в непродуманных реформах, и т.д. и т.п. Они сегодня предстают врагами, как когда-то вредителями объявлялись профессионалы, буржуазные спецы и т.п. Но все это – не более чем система идеологем, имеющая в нашем обществе длительную историю. То, что богатый – заведомо отвратителен, а бедный всегда высокоморален, – фальшивая идея с двухсотлетней традицией, но живущая до сих пор.

Н.П.: Справедливости ради нельзя не признать, что и наши богатые ежедневно дают повод для признания резонности таких настроений.

Д.Д.: Конечно. Нигде в мире, например, так не выставляют свое богатство напоказ, не тратят столько денег попусту, на развлечения. Нигде столь мало не развита благотворительность – меньше, например, американской в 100 раз. В то же время имеющиеся примеры благородства богатых людей, каких-то групп не пропагандируются, о них вы не услышите в теленовостях. Там будут сюжеты, скажем, о том, на какой спортсменке женился князь Монако, но не о жертвенности, не о благородстве. Тем, кто занимаются нашим телевидением, такие сюжеты кажутся слишком пафосными, напоминающими то, что мы так не любили в советском телевидении. Хотя они к этому не имеют никакого отношения. Но такая позиция вполне вписывается в традицию левацкой дискредитации либеральной идеи. Она присуща критикам системы и особенно развита у писателей, у режиссеров. Им почему-то кажется, что не система культурных барьеров, не неизжитая еще у нас отвратительная система феодальных препонов, а некая система нездорового богатства является главным препятствием для развития России. Это тоже идеологема, которая не только поддерживается, но и мощно работает. Например, считается, что такие западные ценности, как права человека, буржуазны и не свойственны нам в отличие, скажем, от огромного уважения к государству. Утверждается, что жертвенность по отношению к нему для нас важнее, чем пресловутая свобода, особенно в условиях, когда мы "со всех сторон окружены врагами". А именно это каждый день внушается массовому зрителю или читателю.

Н.П.: Либерализм связан с понятием свободы. Но свобода – определенный образ жизни людей с законодательно или морально зафиксированными ограничениями, с соответствующей инфраструктурой, поддерживающей эти ограничения. Нашей же культуре, как известно, свойственна подмена понятия "свободы" понятием "воли". Воля – это хаос. Не на этой ли мифологеме играют те идеологи, те деятели культуры, о которых вы говорите?

Д.Д.: Здесь есть одна проблема, связанная с пульсирующим движением самого социума и, главное, с существующей у нас колоссальной идеологической эклектикой.

Отсюда и такие явления нашей жизни, как превалирование государственного начала, "вертикаль власти", реальное отсутствие разделения властей. Все это касается нашей культуры, трансляции общественно значимых смыслов. Для нас порядок – не организация и самоорганизация общества на основе закона, а сосредоточение источников принятия решений в одном месте. Кажется, что монополия Кремля на принятие решений – единственная твердая сила, способная противостоять пресловутому "российскому хаосу". В отсутствие реально действующей правовой системы у людей складывается ощущение, что нельзя прийти к приемлемым решениям, через свободные дискуссии, общественный консенсус. Но современные общества функционируют именно так: так складывалось понятие политкорректности. У нас же все это отрицается или существует только на словах.

Тут я возвращаюсь к тому, с чего мы начали: у нас продолжает существовать двоемыслие – говорим одно, думаем другое, а делаем третье. И все это прекрасно понимают. Понимают, в частности, что за словами Медведева о свободе в нашей системе координат кроется на самом деле нечто другое. Наша задача – расшифровать тайный смысл сказанного, вдумываться, вчитываться в него. В то же время понятно, что современное общество не может развиваться без интеллектуализма, творчества, креатива, которые немыслимы без подлинной свободы. Но если взглянуть на современную массовую культуру, на телевидение, то там нет призывов к интеллектуализму. Там идут потрясающе интересные передачи, но только ночью или на канале "Культура". А вот понижение качества, интеллектуального уровня передач, показ просто гнусностей – важнейший элемент получения рейтингов как источников заработков медиаэлиты. Очевидно, что инновационное общество не может держаться на умножении гнусности, на неуважении к творчеству, к науке. Это понимают все, разглагольствующие об инновационном обществе. Но они обычно ограничиваются такими, например, темами, как финансирование нанотехнологий, улучшение социальных институтов и правоприменительной практики и т.п. Но гораздо более важные аспекты инновационного общества – снятие культурных барьеров, создание условий для развития креативных, интеллектуальных технологий.

Надо не уничтожать единственный музей кино, а создавать пять–десять новых музеев кино, чтобы туда шли мальчики, новые сережи эйзенштейны, способные вновь вдохновить страну, сделать нас самыми лучшими, талантливыми, знаменитыми в мире. Надо создавать условия для того, чтобы наши философы, музыканты, дизайнеры могли бы получить допуск на мировой рынок идей, творений. Ничего этого сегодня нет. На рынках Запада, по сути, пользуются спросом только представители исполнительских искусств (музыканты, танцовщики, такие "торговые марки", как, например, Мариинский театр В. Гергиева), а не создатели новых смыслов. Между тем мы знаем, что в начале XX в. именно идеи, родившиеся в нашей стране, буквально потрясли весь мир. Не говоря уже о великой русской идеологической утопии 1918–1932 гг., можно вспомнить и русский конструктивизм, и С. Эйзенштейна, и В. Пудовкина, и Б. Барнета, и В. Кандинского, и К. Малевича, и М. Шагала, и Д. Шостаковича, и К. Мельникова, и А. Родченко, и т.д. и т.п. Все они создали общепризнанные шедевры мировой культуры.

Н.П.: Но создание новых смыслов, новых интерпретаций, новых идей без свободы творчества в узком смысле и свободы вообще в более широком контексте невозможно. Поэтому если мы стремимся занять в современном мире достойное место как одно из инновационных обществ, нам рано или поздно придется пересматривать утвердившиеся в современном российском массовом сознании представления о свободе и о месте либеральной идеи в том сложном комплексе идей, который образует российское национальное сознание.